

Научная статья

УДК 94(47)«193»

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-87-97

Организация урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е годы

Владимир Андреевич Ильных

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

agro_iwa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6361-1234>

Аннотация

Осуществляется реконструкция организации урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е гг. Установлено, что в начале десятилетия учет урожайности имел низкую степень достоверности. Поправки имели субъективный характер. Их величина определялась выбором поведенческих стратегий руководителей районов и регионов. Размеры официально утвержденного валового сбора зависели не от реального амбарного веса, а от политической конъюнктуры. Базовыми показателями его определения являлась урожайность на корню, на основе которой принимались хлебозаготовительные планы. Попытки реформирования системы в середине и конце 1930-х гг. ситуацию принципиально не изменили. Несмотря на новации, исчисленные урожаи оставались политически обусловленными. Урожайная статистика по-прежнему в значительной степени имела пропагандистский и мобилизационный характер.

Ключевые слова

аграрная политика советского государства, сельское хозяйство, колхозная система, статистический мониторинг, урожайность, Сибирь

Для цитирования

Ильных В. А. Организация урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 87–97. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-87-97

Organization of Grain Harvest Statistics in Siberia in 1930s

Vladimir A. Il'nykh

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

agro_iwa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6361-1234>

Abstract

Harvest statistics in USSR in the 1920s was based on techniques and approaches used in Russian Empire. In 1930 it became a subject of reforms. Statistical representatives of village councils who replaced voluntary correspondents were supposed to report to the district commissions information on specific biological yield and the results of grain threshing. Regional commissions were obliged to summarize received information, check it and make corrections to primary materials for underestimation. In the early 1930s harvest statistics were doubtful. Amendments were subjective. Their value depended on the choice of behavioral strategies of the district and regional authorities. The size of the officially approved gross product did not depend on the real barn weight but on the political situation. At the same time, the basic indicator of its determination was growing yield, based on which grain procurement plans were approved. A higher degree of reliability of the accounting system should have been provided by Central and Regional State Commissions for Yield Accounting created in 1933. Central State Commission developed and applied methods

© Ильных В. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 87–97

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 87–97

of calculating the “optimal yield” (yield minus inevitable losses), “optimal economic yield” (excluding technically inevitable losses), “actual yield” (taking into account losses used on the farm). Amount of the losses was accounted during random inspections of farms. Despite the reforms, yield estimation remained politically driven. Harvest statistics were still largely propagandistic and mobilizing in nature. In 1937 state commissions were liquidated, and the national economic accounting services inherited the task of yield calculating. In 1939 procedure of harvest calculating was once again revised. Accounting average yield contained all losses, including those unused on the farm.

Keywords

agrarian policy of the Soviet state, agriculture, collective farm system, statistical monitoring, yield of grain crops, Siberia

For citation

Il'inykh V. A. Organization of Grain Harvest Statistics in Siberia in 1930s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 87–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-87-97

Не тот урожай, что в поле, а тот, что в амбаре.
Русская пословица

Задача настоящей работы состоит в реконструкции организации урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е гг. Актуальность обращения к данной теме определяется рядом обстоятельств. Одной из наиболее значимых проблем современной отечественной историографии являются экономические последствия коллективизации, показателем которых является динамика сельхозпроизводства. Основным источником для изучения параметров сельского хозяйства служат материалы статистического мониторинга аграрного сектора. Важную роль играет региональный аспект темы. В 1930-е гг. Сибирь была одним из ведущих сельскохозяйственных регионов страны. В этот период базовой отраслью аграрной экономики Сибири и России в целом оставалось земледельческое хозяйство, специализирующееся на выращивании зерновых культур. В силу того, что производство и заготовки хлебов имели для советской власти с самого начала ее существования большое политическое значение, анализ урожайной статистики в 1930-е гг. дает непосредственный выход на решение таких актуальных проблем отечественной историографии, как механизм функционирования системы государственного управления, взаимоотношения государства и крестьянства, поведенческие стратегии и практики советского административно-управленческого аппарата.

В настоящем исследовании, исходя из реалий изучаемого периода и современных трактовок сельскохозяйственной науки, мы используем следующие базовые дефиниции.

1. Видовой урожай – ожидаемый урожай, исходя из состояния посевов на разных стадиях развития хлебов (до завершения созревания), который определяется экспертным (глазомерным) путем.

2. Урожай на корню, или биологический урожай, – выращенный, но еще не убранный урожай, который определяется на стадии завершения созревания хлебов (перед началом уборки) либо экспертным путем, либо выборочным обмолотом.

3. Амбарный урожай – зерно, фактически поступившее после обмолота в распоряжение хозяйства. Оно может быть складировано для внутрихозяйственных нужд либо отправлено на государственные заготовительные пункты.

Собственно историографию проблемы следует вести с конца 1950-х гг., когда к ней обратились советские историки. Начав научный анализ сельского хозяйства в 1930-е гг., они столкнулись со «статистической разногласицей». Один и тот же показатель за один и тот же год в разных статистических источниках исследуемого периода часто определялся разными и иногда существенно различающимися величинами. Путаницу вносило и использование в источниках различных терминов, определяющих методы исчисления урожайности.

Ситуация еще больше осложнилась после проведенного ЦСУ в конце 1950-х гг. ретроспективного исправления ранее принятых данных об урожайности и валовых сборах зерновых культур в СССР [Зеленин, 1970, с. 467]. Причиной этого стал произошедший после смерти И. В. Сталина отказ от биологического метода определения урожая зерновых культур

и переход к его исчислению в амбарном весе. При этом указанный пересчет был осуществлен лишь с 1933 г. Данные за предыдущий период остались неизменными, поскольку, согласно официальной точке зрения, до 1932 г. включительно валовые сборы в стране определялись в амбарном весе.

Ведущие советские историки-аграрники Ю. А. Мошков, И. Е. Зеленин, М. А. Вылцан, обратившись к проблеме урожайной статистики 1930-х гг., посчитали указанный пересчет данных о валовых сборах и урожайности зерновых культур, включая его хронологические рамки, в целом корректным [Мошков, 1963, с. 270; Зеленин, 1970, с. 466; Вылцан, 1970, с. 481]. В то же время были высказаны различные позиции по времени перехода к биологическому методу определения урожайности, методам его исчисления, соотношению биологического и амбарного урожая. По мнению Ю. А. Мошкова, начиная с 1933 г. сборы зерновых оценивались не по действительному сбору, а по «оптимально-хозяйственному», а с 1939 г. – по биологической урожайности [Мошков, 1963, с. 270].

И. Е. Зеленин полагал, что с 1933 г. урожай на корню определялся с помощью метровок (см. ниже). При этом при его исчислении предусматривались некоторые скидки на неизбежные потери. С 1939 г. был осуществлен переход к определению «чисто» биологической урожайности. Но, поскольку «на практике и в 1933–1938 гг. “скидки” носили номинальный характер», фактический переход к биологическому методу был осуществлен уже в 1933 г.» [Зеленин, 1970, с. 466].

М. А. Вылцан считал, что основным методом урожайной статистики в 1933–1935 гг. являлось определение урожайности на корню с помощью метровок. Полученные данные корректировались «небольшими скидками на неизбежные потери». С 1936 г. стал применяться новый метод исчисления урожая, основой которого являлось определение среднего сбора по результатам массовых обмолов с учетом потерь, используемых в хозяйстве. Выводимые таким образом показатели урожайности «находились где-то посередине между биологическим и амбарным, а значит, и фактическим урожаем. В 1939 г. произошел переход к учету урожайности на корню без каких-либо скидок» [Вылцан, 1970, с. 476, 478, 479].

Со второй половины 1960-х гг. анализ проблемы урожайной статистики 1930-х гг. фактически прекратился. Исследователи вновь обратили внимание на нее в поздний советский и постсоветский период в связи с обсуждением причин массового голода в СССР в 1932–1933 гг. (см.: [Таугер, 1995; Кондрашин, 2008, с. 98–112; 2014, с. 110–112] и др.). Наиболее детальный анализ урожайной советской статистики начала 1930-х гг. провел С. Уиткрофт [Дэвис, Уиткрофт, 2011]. Итоговые официальные данные о размерах валовых сборов в эти годы он считал завышенными и не отражающими реальный амбарный урожай.

Проблемы урожайной статистики в СССР в середине и второй половине 1930-х гг. затронул С. А. Нефедов. По его мнению, в 1933–1935 гг. сначала с помощью метровок устанавливалась биологическая урожайность, затем в полученные результаты вносились скидки на потери. С 1936 г. за исходную величину брался амбарный урожай (намолот), а к нему прибавлялись поправки на недоучет. С 1939 г. поправки были увеличены до разницы между урожаем на корню и намолотом. Фактически это означало определение биологического урожая. С. А. Нефедов полагает, что отраженная в источниках Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) урожайность не соответствует действительной. Вносимые в первичные данные поправки делались для того, чтобы приблизить реальность к указанной И. В. Сталиным цели: получению 7–8-миллиардного урожая [Нефедов, 2017, с. 39–40].

Особенности организации статистического мониторинга урожайности зерновых культур в начале 1930-х гг. в Сибири реконструированы в работе В. Б. Лапердина, который указал, что при расчетах валового сбора хлебов плановые органы ориентировались на биологическую урожайность зерновых, а не на амбарную [Лапердин, 2015, с. 258]. Связанные с хлебозаготовками вопросы урожайной статистики также освещались в монографии автора настоящей статьи и В. Б. Лапердина [Ильиных, Лапердин, 2020].

В дореволюционные и в 1920-е гг. статистический мониторинг урожайности на низовом уровне возлагался на добровольных корреспондентов. В 1930 г. их заменили статистические уполномоченные сельсоветов. Им надлежало два раза в месяц (на 1 и 15 число) со времени освобождения озимых от снега и до начала массовой уборки определять видовой урожай по каждой из основных зерновых культур на территории сельсовета по пятибалльной шкале в десятых долях балла. Информацию о ситуации в колхозах статуполномоченные получали от председателей, а посеы единоличников обязывались оценивать лично. По мере приближения уборочных работ качественные характеристики состояния посевов (в Сибири на 15 августа и 1 сентября) переводились в количественное выражение ожидаемого сбора на корню (в 1930 г. в пуд./дес, с 1931 г. – в ц/га). После начала уборочной кампании статуполномоченные собирали данные о первых и массовых намолотах (в Сибири на 15 сентября и 1 октября) (Статистический бюллетень, 1926, № 7–8, с. 111; СУ РСФСР, 1930, № 18, ст. 234) [Бар, 1931, с. 42–43; Немчинов, 1933, с. 13–14].

В конце 1930 г. отменили балловую оценку видов на урожай. На всех этапах наблюдения с самой первой оценки видовой урожайности должна была определяться в количественных показателях. С 1933 г. в Сибири последней датой оценки урожая стало 15 августа. На 1 сентября определялись результаты первых намолотов. С 1934 г. число оценок видов на урожай сокращалось до трех. В Сибири для озимых и ранних яровых культур (ржи, пшеницы, ячменя, овса) устанавливались следующие даты наблюдений: 15 июля, 1 и 15 августа; для зернобобовых и крупяных: 15 июля, 15 августа и 15 сентября. При этом оценка на первый срок должна была даваться в баллах по пятибалльной шкале, а на второй и третий сроки – в центнерах с гектара (СЗ СССР, 1934, № 17, ст. 134) [Немчинов, 1933, с. 13–14].

В 1930 и 1931 гг. статуполномоченные направляли сведения об урожайности в районные экспертные комиссии (РЭК). Их члены обязывались не только обобщать поступившие к ним сведения статуполномоченных, но и проверять их, в том числе лично объезжая поля, и на основе результатов проверок вносить в полученные обобщенные первичные данные поправки (СУ РСФСР, 1930, № 18, ст. 234)¹. Составленные РЭК заключения формально утверждались райисполкомами, неформально – райкомами ВКП(б) и предоставлялись в краевые / областные комиссии, которые также их обобщали и вносили собственные поправки. Исчисленная региональными комиссиями средняя урожайность на подведомственной территории умножалась на площадь посева, в результате чего получался валовой сбор.

Каждая стадия определения урожайности была тесно связана с хлебозаготовками. На основе видовой урожайности определялась специфика предстоящей хлебозаготовительной кампании, а по мере приближения к уборке – принимались региональные заготовительные задания. Определение урожайности на корню служило основанием для порайонной разверстки плана хлебозаготовок. Результаты намолотов могли приводить к его корректировке.

Следует отметить, что первичные сведения об урожайности и итоговые результаты существенно различались. Связанное с нехваткой техники и рабочей силы затягивание уборки и обмолота приводило к резкому увеличению потерь урожая. Так, проверявшая деятельность Ададымского зерносовхоза комиссия установила, что если до выпадения снега в середине октября 1932 г. при обмолоте выход хлеба на 1 га составлял в среднем 6,3 ц, то в конце декабря – только 3,6 ц². Высокие потери наблюдались при транспортировке и хранении зерна.

Наряду с территориальными комиссиями параллельную урожайную статистику вели земельные и статистические органы, совхозные объединения. Материалы от них поступали как в краевые / областные комиссии, так и в вышестоящие органы соответствующих ведомств. Промежуточные, а также итоговые показатели урожайности зерновых культур в СССР в целом и в отдельных регионах утверждались междуведомственным экспертным советом по оценке хлебофуражной продукции при СТО [Дэвис, Уиткрофт, 2011, с. 85].

¹ ГАНО. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 175. Л. 72, 80.

² Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 64.

В начале 1932 г. районные и региональные экспертные комиссии преобразовали в соответствующие учетно-контрольные комиссии³. А в конце 1932 г. были созданы Центральная государственная комиссия по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур (ЦГК) и межрайонные государственные комиссии (МГК) в регионах. Создание новых органов должно было способствовать преодолению местничества и ведомственности в урожайной статистике. ЦГК подчинялась непосредственно СНК СССР, а МГК – соответственно ЦГК (СЗ СССР, 1932, № 84, ст. 521; 1933, № 17, ст. 976).

В связи с образованием ЦГК и МГК изменилась последовательность трансляции урожайной статистики. Сведения от колхозов поступали в сельсоветы и МТС, а те после проверки и внесения поправок направляли их в районные земельные отделы. Райземотделы эти данные обобщали, проверяли, вносили поправки и передавали их в краевые земельные управления и в МГК. Из МГК после соответствующих манипуляций информация поступала в ЦГК, которая утверждала размеры урожайности в регионах и стране в целом.

Прежней осталась последовательность определения урожайности: видовая оценка, оценка биологической урожайности, сбор данных о намолотах. В то же время новации были внесены в исчисление урожая на корню. Если раньше его определяли исключительно «на глаз», то теперь для этого в том числе стали использовать технические средства – метровки. Они представляли собой деревянные квадратные рамки со стороной один метр. Их накладывали на поле через равные промежутки. Колосья внутри срезались, просушивались, лушились руками и взвешивались. Результаты, полученные на отдельных метровках, суммировались, и на их основе вычислялась урожайность в центнерах с гектара⁴.

Исследователи традиционно связывают с введением метровок переход к биологическому методу исчисления сборов зерновых культур [Зеленин, 1970, с. 466; Вылцан, 1970, с. 476; Нефедов, 2017, с. 39–40]. По нашему мнению, основанному на анализе архивных документов, базовым методом определения биологического урожая в 1933 г. и в последующие годы оставалась экспертная оценка. Измерение урожая на корню метровками носило выборочный характер. Оно проводилось не только не во всех хозяйствах, но и не во всех районах и только по двум основным зерновым культурам⁵. С его помощью в случае репрезентативности выборки можно было определить средние величины урожайности двух избранных хлебов по региону. Однако наложением метровок невозможно было установить размеры урожая в соседних с попавшими в выборку хозяйствах и районах и по зерновым в целом. В то же время в задачу земельных органов и МГК входило определение урожайности в каждом колхозе и районе. Поэтому исчисление сбора с помощью метровок воспринималось и региональными властями, и госкомиссиями как вспомогательный метод. На его вспомогательный характер указал и специалист ЦУНХУ И. Левитин. Он определил использование метровок как одно из контрольно-учетных мероприятий, проводимых «с целью проверки правильности субъективных оценок урожайности на последний срок» [Левитин, 1934, с. 21].

ЦГК значительное внимание уделяла совершенствованию методов исчисления итогового урожая. В начале сентября 1933 г. заместитель председателя ЦГК Н. П. Брюханов писал, что «комиссией определяется не амбарный урожай, а урожай оптимальный. Мы не можем и не должны при определении урожайности считать нормой те потери при косовице, возке, обмолаоте, которые являются результатом нашей бесхозяйственности, а подчас и вредительства, идущего от нашего классового врага. Потери на уборку в среднем мы исчисляем примерно в 10 %» [Трагедия советской деревни..., 2001, т. 3, с. 638–639].

От оптимального урожая в 1934 г. ЦГК перешла к так называемому нормально-хозяйственному. Его размер исчислялся путем вычитания из урожая на корню технически неиз-

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 684. Л. 243–244.

⁴ Там же. Оп. 79. Д. 61. Л. 24.

⁵ В 1933 г. в Западно-Сибирском крае измерение урожая на корню с помощью метровок осуществлялось в 550 колхозах 116 районов. По нашим подсчетам, выборка по колхозам составляла около 5 %, по районам – около 50 %.

бежных потерь. При комбайновой уборке «технически неизбежные потери» зерновых устанавливались в размере 3–4 % от урожая на корню, при уборке лобогрейками – 7–8 % [Ильиных, Лапердин, 2020, с. 259].

Подобный подход к урожайной статистике вызвал критику со стороны руководства СССР. 16 декабря 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) квалифицировало нормально-хозяйственный метод определения урожая как «неправильный, ненаучный, произвольно занижающий как урожайность на гектар, так и цифру валового сбора». От него надлежало перейти к «фактическому сбору урожая с гектара с учетом потерь в хозяйстве и расходов на поле» [Трагедия советской деревни..., 2002, т. 4, с. 643–644].

Критика позиции ЦГК имела не только методические, но и организационные последствия. В марте 1937 г. ЦГК и МГК ликвидировали. Их функции по исчислению урожайности и валовых сборов возлагались на органы народно-хозяйственного учета, в рамках которых создавались сектора учета урожайности [Там же, 2004, т. 5, с. 186–187].

Основой определения так называемого фактического урожая с учетом потерь являлись результаты массовых намолотов на 1 октября. К объемам намолота следовало прибавить потери, «используемые в хозяйстве» (зерно, использованное на корм скоту, но не оприходованное, оставленное в колосе на стерне под выпас скота, оставленное в соломе и мякине на корм скоту и птице, похищенное зерно, сверх установленных норм израсходованное на натуральное авансирование колхозников или общественное питание). В то же время при исчислении урожайности не учитывались потери, «не используемые в хозяйстве» (самоосыпание зерна на корню вследствие перестоя хлебов, потери при перевозке снопов на тока, при копнении и скирдовании, зерно, оставленное в стерне, соломе, мякине, но не использованное на корм скоту).

Размеры используемых потерь определялись выборочным методом в отдельных, как правило передовых, хозяйствах, а затем переносились на всю генеральную совокупность. Таким образом органы нархозучета определяли итоговые величины сбора. Урожайность, на основе которой принимались хлебозаготовительные задания, по-прежнему определялась на глаз.

Как указывалось выше, районные комиссии, райземотделы, МГК обязывались вносить поправки в поступающие к ним из нижестоящих инстанций данные об урожайности. В 1920-е гг. поправочные коэффициенты рассчитывались на основе сравнения сведений от добровольных корреспондентов с материалами выборочных опросов крестьянских хозяйств и их бюджетных обследований. В начале 1930-х гг. каких-либо методических рекомендаций по исчислению величины поправок до соответствующих органов не доводилось, и они имели субъективный характер.

Данные об урожайности могли как увеличивать, так и уменьшать. Однако если судить по результатам определения урожайности на районном уровне, то можно с полным основанием предположить существование политической установки на внесение в первичные данные поправок на недоучет. Руководство страны считало, что крестьяне, в том числе колхозники, пытаются обмануть государство и занижают сведения о посевных площадях, сборах и другие показатели.

Предположение центральных властей о фальсификациях урожайной статистики на низовом уровне в значительной степени соответствовало действительности. Это было связано с организацией хлебозаготовок. Более высокие заготовительные планы развертывались на высокоурожайные хозяйства. Однако после выполнения заданий по хлебосдаче они часто получали дополнительные. В итоге «передовики» могли вообще остаться без хлеба, тогда как колхозы, показавшие низкую урожайность, имели его достаточные запасы и для посевной кампании и для распределения среди колхозников.

Связанные с хлебозаготовками стимулы к фальсификации данных также имели секретари райкомов ВКП(б) и председатели райисполкомов, которые контролировали деятельность районных комиссий и земельных отделов. От величины урожайности зависели размеры

спускаемого сверху хлебазаготовительного плана. Взяв на себя более высокие обязательства и выполнив их, районные руководители обеспечивали себе карьерный рост.

Районные власти могли также оказаться в плену идеологических стереотипов. Обобществленное колхозное производство, в соответствии с официальными установками, являлось более высокопроизводительным. Поэтому, чтобы не быть обвиненными в правом оппортунизме, функционеры районного уровня завышали урожайность в колхозном секторе аграрной экономики по сравнению с единоличным.

В качестве примера подобной логики можно привести работу РЭК Новосибирского сельского района, которая оценила урожай пшеницы на 1 августа 1930 г. в колхозах в 4 балла, в единоличных хозяйствах – в 3,5 балла, тогда как обобщенная оценка статуполномоченных равнялась 2,5 балла по той и другой категории хозяйств. Итоговая урожайность РЭК на 1 октября по той же культуре составляла по колхозам 55 пуд./дес., по единоличникам – 50 пуд./дес. По данным статуполномоченных, колхозы собрали с одной десятины 40,2 пуда, единоличные хозяйства – 30,8 пуда ⁶.

В то же время районные власти отвечали за подконтрольное им население, хозяйственное положение и политическую обстановку в районе. Более высокие показатели урожайности влекли за собой преувеличенные заготовительные задания, а это, в свою очередь, грозило продовольственными затруднениями. Могла возникнуть и проблема снабжения колхозов семенным зерном и соответственно с проведением посевной кампании, за которую районные руководители тоже отвечали. Наконец, невыполнение государственного заготовительного задания грозило обвинением в саботаже. Поэтому районные руководители не всегда были заинтересованы в преувеличении урожайности [Лапердин, 2015, с. 254–255].

Но при этом они должны были пройти между Сциллой экономических интересов района и Харибдой политических установок режима. Дублирование показателей урожайности, поступивших от статуполномоченных, могло быть квалифицировано вышестоящими инстанциями как хвостизм, а их снижение – вообще как акт саботажа. Поэтому выбор у районного начальства часто был не между тем, вносить или не вносить поправки на недоучет, а между тем, какой величины они будут: большие или не очень большие.

Наглядным примером функционирования урожайной статистики на низовом и региональном уровнях служат данные об определении урожайности в Западно-Сибирском крае в 1933 г. В справке крайземуправления о работе по учету видов на урожай по состоянию на 1 августа 1933 г. сообщалось, что 61 райземотдел края внес в сведения, поступившие из колхозов, поправку на недоучет, 3 – их снизили, а 9 райземотделов – оставили без изменений ⁷.

В подготовленных в крайкоме ВКП(б) материалах содержалась следующая информация об исчислении урожайности на 15 августа 1933 г., на основе которой принималось годовое хлебазаготовительное задание. Определенный колхозами потенциальный сбор зерновых культур составлял 7,5 ц/га. МТС и сельсоветы увеличили его до 8,3 ц (+11 %), райземотделы – до 9,1 ц (+21 % к первичным данным), МГК – до 9,9 ц (+32 %), а ЦГК после получения всех материалов из края незначительно снизила до 9,8 ц/га (+31 %) ⁸.

Однако неблагоприятные погодные условия в конце лета – начале осени 1933 г. привели к снижению реальной урожайности в крае. В связи с этим первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе направил в адрес председателя СНК СССР В. М. Молотова письмо, в котором просил уменьшить показатели сбора зерновых с установленных ЦГК 9,8 до 9,3 ц/га. При этом Эйхе отмечал, что предлагаемый краевым руководством показатель «находится на максимальном пределе возможных сборов. Сельскохозяйственники (КрайЗ[ем]У[правление], Зернотрест и т. п.) возражают и против этой цифры» ⁹. Прочитанная

⁶ ГАНУ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 175. Л. 20, 31, 36, 38, 85.

⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 469. Л. 163 об.

⁸ Там же. Л. 262.

⁹ Там же. Л. 274–276. По данным массовых намолотов, сбор зерновых с одного гектара в крае составлял 7,7 ц (Там же. Л. 262).

фраза первого секретаря крайкома, на наш взгляд, является иллюстрацией того, что определение урожайности являлось предметом политического торга между регионами и Центром. Задачей сторон было установление не реального, а политически целесообразного урожая. Ходатайство Р. И. Эйхе частично удовлетворили. Окончательно утвержденный ЦК итоговый сбор зерновых по Западно-Сибирскому краю в 1933 г. составил 9,4 ц/га [Ильиных, Лапердин, 2020, с. 496]. Приведенный пример был обычной практикой взаимоотношений Центра и регионов и постоянно воспроизводился на внутрорегиональном и районном уровнях.

В конце 1930-х гг. в условиях подготовки к войне советское руководство приняло решение увеличить тяжесть налогового-податного обложения колхозов. В рамках этой установки в 1939 г. правительство в очередной раз пересмотрело порядок расчета урожайности колхозной нивы. В соответствии с утвержденной 9 июня 1939 г. Экономсоветом СССР инструкцией «не используемые» потери не исключались из определенного валового сбора, а, напротив, в него включались. Урожай, исчисленный новым методом, назывался «действительным фактическим». Однако его также можно определять общепринятым в отечественной историографии термином – «биологический». При этом базовые статистические материалы для измерения итогового урожая по-прежнему давали результаты обмолота, к которым прибавлялись все выявленные выборочным методом потери.

Обязательным этапом урожайной статистики оставалось экспертное определение видовой урожайности, используемой для разработки хлебозаготовительных планов. В Новосибирской области данная работа осуществлялась по следующей схеме (Советская Сибирь, 1939, 10 июля). Председатели колхозов обязывались произвести «на основе осмотра в натуре» оценку видов на урожай по состоянию на 1 августа. Заведующим райземотделов и директорам МТС предписывалось «проверить правильность оценки видов на урожай по каждому колхозу и в случае установления фактов занижения урожайности внести свои поправки», после этого не позднее 5 августа предоставить районным уполномоченным Наркомата заготовок, районным инспекторам нархозучета и облземотделу материалы об оценке видов на урожай. Облземотдел не позднее 10 августа должен был направить материалы областному уполномоченному Наркомзага. К этой же дате областное управление нархозучета обязывалось «на основании проверки материалов в колхозах, райзо и МТС, а также специальных контрольных обследований предоставить облуполнаркомзагу заключение об оценке видов на урожай по каждому району».

В докладной записке уполномоченного Наркомзага по Новосибирской области от 1 сентября 1939 г. приведена таблица с результатами определения урожая в 11 районах на каждой из последующих стадий властной вертикали, начиная с МТС. Райземотделы семи районов показатели МТС повысили, трех районов – снизили, одного – оставили без изменений. Райуполнаркомзаги всех 11 районов оценки райземотделов увеличили. Специалисты областного УНХУ, рассмотрев полученные материалы, показатели райполнаркомзагов по пяти районам уменьшили, по одному оставили неизменными и по пяти увеличили. При этом оценки УНХУ были выше, чем те, которые установили райземотделы¹⁰.

Метод исчисления итогового урожая, принятый в 1939 г., был изменен во время Великой Отечественной войны. 6 декабря 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР своим постановлением запретили «собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах как искажающие действительное положение дел с урожайностью»¹¹. Содержание данного постановления, на наш взгляд, было, с одной стороны, вызвано чрезвычайными условиями, с другой – являлось вполне логичным продолжением решений Верховной власти о методах определения урожая зерновых культур, принятых в 1939 г.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 71. Л. 34.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

Список литературы

- Бар Г.** Урожай главных зерновых культур в Западно-Сибирском крае с 1923 по 1930 г. // Статистика Сибири. Новосибирск, 1931. Вып. 5. С. 42–65.
- Вылцан М. А.** Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 474–481.
- Дэвис Р., Уиткрофт С.** Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011. 543 с.
- Зеленин И. Е.** Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 464–473.
- Ильиных В. А., Лапердин В. Б.** Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 507 с.
- Кондрашин В. В.** Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
- Кондрашин В. В.** Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 350 с.
- Лапердин В. Б.** Система определения урожайности зерновых в Западной Сибири в начале 1930-х годов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 252–258.
- Левитин И.** Методика определения урожайности // План. 1934. № 4. С. 20–24.
- Мошков Ю. А.** Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 255–272.
- Нефедов С. А.** Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 гг. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2017. 432 с.
- Немчинов В. С.** Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. Вып. 1. 132 с.
- Таугер М. Б.** Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 298–332.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: 1927–1939. В 5 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. 1008 с.; 2002. Т. 4: Конец 1934–1936. 1056 с.; Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. 648 с.

Список источников

- СЗ СССР – Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1932. № 84; 1933. № 17; 1934. № 17.
- СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1930. № 8.
- Советская Сибирь. 1939. 10 июля.
- Статистический бюллетень. 1926. № 7–8.

References

- Bar G.** Urozhai glavnykh zernovykh kul'tur v Zapadno-Sibirskom krae s 1923 po 1930 g. [The Harvest of the Main Grain Crops in the West Siberian Region from 1923 to 1930]. In: Statistika Sibiri [Statistics of Siberia]. Novosibirsk, 1931, iss. 5, pp. 42–65. (in Russ.)
- Davis R., Whitcroft S.** Gody goloda: sel'skoe hozayistvo SSSR. 1931–1932 [Years of Hunger: Agriculture in USSR. 1931–1933]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 543 p. (in Russ.)
- Ilynykh V. A., Laperdin V. B.** Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gg. [Grain Collection in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2020, 507 p. (in Russ.)

- Kondrashin V. V.** Golod 1932–1933: tragediya rossiiskoi derevni [The Famine of 1932–1933: Tragedy of Russian Village]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 519 p. (in Russ.)
- Kondrashin V. V.** Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoi pyatiletki i rezultaty (1929–1933 gg.) [Grain Procurement Policy during the First Five-year Plan and its Results (1929–1933)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, 350 p. (in Russ.)
- Laperdin V. B.** Sistema opredeleniya urozhainosti zernovykh v Zapadnoi Sibiri v nachale 1930-kh godov [System for Determining Grain Yield in Western Siberia in the Early 1930s]. In: Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik, 2015 [Irkutsk Historical and Economic Yearbook, 2015]. Irkutsk, 2015, pp. 252–258. (in Russ.)
- Levitin I.** Metodika opredeleniya urozhainosti [Methodology for Determining the Yield]. *Plan*, 1934, no. 4, pp. 20–24 (in Russ.)
- Moshkov Yu. A.** Zernovaya problema v gody kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva [Grain Problem in the Years of Collectivization of Agriculture]. In: Istoriya sovetskogo krest'yanstva i kolhoznoho stroitel'stva v SSSR [History of the Soviet Peasantry and Collective Farm Construction in the USSR]. Moscow, 1963, pp. 255–272. (in Russ.)
- Nefedov S. A.** Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 gg. [The Standard of Living of the Population and the Agrarian Development of Russia in 1900–1940]. Moscow, Delo Publ., 2017, 432 p. (in Russ.)
- Nemchinov V. S.** Uchet i statistika sel'skokhozyaistvennykh predpriyatii [Accounting and Statistics of Agricultural Enterprises], Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1933, iss. 1, 132 p. (in Russ.)
- Tauger M.** Urozhai 1932 goda i golod 1933 goda [The Harvest of 1932 and the Famine of 1933]. In: Sud'by rossiiskogo krest'yanstva [The Fate of the Russian Peasantry]. Moscow, 1995, pp. 298–332. (in Russ.)
- Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. 1927–1939 [The Tragedy of the Russian Village. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials]. In 5 vols. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, vol. 3: 1930–1933, 1008 p.; 2002, vol. 4: 1934–1936, 1056 p.; 2004, vol. 5: 1937–1939, book 1: 1937, 648 p. (in Russ.)
- Vyltsan M. A.** Metody ischisleniya proizvodstva zerna v 1933–1940 gg. [Methods of Calculating Grain Production in 1933–1940]. In: Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1965 g. [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 1965]. Moscow, 1970, pp. 474–481. (in Russ.)
- Zelenin I. E.** Osnovnye pokazateli sel'skohozyaistvennogo proizvodstva v 1928–1935 gg. [The Main Indicators of Agricultural Production in 1928–1935]. In: Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1965 g. [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 1965]. Moscow, 1970, pp. 464–473. (in Russ.)

List of Sources

- Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of Laws and Regulations of the Workers and Peasants Government of the Union of Soviet Socialist Republics], 1932, no. 84; 1933, no. 17; 1934, no. 17. (in Russ.)
- Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR [Collection of legalization and orders of the Workers and Peasants' Government of the RSFSR], 1930, no. 8. (in Russ.)
- Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia], 1939, July 10. (in Russ.)
- Statisticheskii byulleten' [Statistical Bulletin], 1926, no. 7–8. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Андреевич Ильиных, доктор исторических наук
Scopus Author ID 55508487000
WoS Researcher ID AAC-8106-2020

Information about Author

Vladimir A. Il'inykh, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 55508487000
WoS Researcher ID AAC-8106-2020

*Статья поступила в редакцию 13.06.2021;
одобрена после рецензирования 26.08.2021; принята к публикации 26.09.2021
The article was submitted 13.06.2021;
approved after reviewing 26.08.2021; accepted for publication 26.09.2021*